

Приведём цитату из сочинений Ф.М. Достоевского: в одном письме 1870 года он упоминает вопрос о бытии Бога как «тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь»², а единственно потому, что люди веровали в своё бессмертие». Допустим, мы согласимся с этим «интересным» тезисом, — но неужели все животные, включая микроорганизмов, червей и т. д., «веруют в своё бессмертие», а между тем они занимаются «любовью», тем самым продолжая свой род. В том же романе старец Зосима даёт такое наставление: «Животных любите: им Бог дал начало мыслей и радость безмятежную. Не возмущайте же её: не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противитесь мысли Божией. Человек, не возносись над животными: они безгрешны. А ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней». Зададимся простым вопросом: что же это за великий старец, который проклинает высшее создание Бога — человека и восхваляет животных, в том числе, наверное, и разного рода насекомых, вирусов и микробов, о чём, правда в романе не написано, но легко читается между строк. Не такой уж это великий «старец», подвижник православия, тем более, что в тексте романа сказано, что старец после смерти «провонял». Ни один читатель Библии, будь он православным, католиком или даже протестантом, не найдёт в ней ничего похожего на указание преклоняться перед животными. Или ещё: «Юноша брат мой у птичек прощения просил: оно как бы и бессмысленно, а ведь правда, ибо всё как океан, всё течёт и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдаётся. Пусть безумие у птичек прощение просить, но ведь и птичкам было бы легче, и ребёнку, и всякому животному около

¹ Продолжение. Начало см. журнал «На русских просторах» № 3 (46) 2021, стр. 150–159.

² Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. 29/1, стр. 117.

тебя, если бы ты сам был благолепнее, чем ты есть теперь, хоть на одну каплю да было бы».

Если Достоевский, как он много раз повторял в разных местах, считал для себя образцом поведения Христа, то зададим самый простой вопрос: где и когда Христос учил просить прощения у птичек? Может быть, следуя ему, нужно просить прощения у коронавирусов, чтобы эпидемия пошла на спад? Почему православная церковь не призывает к всеобщему молебну?

Из всех писателей-еретиков приходят на память строки Есенина: «Счастливы тем, что целовал я женщин, / Мял цветы, валялся на траве, / И зверьё, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове», но даже здесь ничего не говорится о преклонении перед комарами, блохами и тараканами, якобы являющимися образ Божий.

И вместе с тем потусторонний мир всегда был в центре внимания Достоевского. Вспомним знаменитый разговор Раскольникова со Свидригайловым:

«— Ведь обыкновенно как говорят? — бормотал Свидригайлов, как бы про себя, смотря в сторону и наклонив несколько голову. — Они говорят: “Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред”. А ведь тут нет строгой логики. Я согласен, что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе как больным, а не то, что их нет, самих по себе.

— Конечно, нет! — раздражительно настаивал Раскольников.

— Нет? Вы так думаете? — продолжал Свидригайлов, медленно посмотрев на него. — Ну а что, если так рассудить (вот помогите-ка): “Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрёт совсем человек, то прямо и перейдёт в другой мир”. Я об этом давно рассуждал. Если в будущую жизнь верите, то и этому рассуждению можно поверить.

— Я не верю в будущую жизнь, — сказал Раскольников».

Однако раньше в разговоре со следователем Порфирием Петровичем тот же самый Раскольников от чистого сердца признался ему, что верит в Евангелие дословно и, в том числе, в воскресение

ние Лазаря и т. п. Как это так? На протяжении всего нескольких дней Раскольников вдруг потерял веру в краеугольные ценности христианства. Неужели это всего лишь болтовня и, по словам Смердякова, — «про неправду всё написано»?

Спросим себя, что же действительно думал по этому поводу сам Достоевский?

В письме Ф.М. Достоевского к Ю.Ф. Абаза от 15 июня 1880, в котором речь идёт о повести Пушкина «Пиковая дама», читаем:

«И Вы верите, что Германн действительно имел видения, именно сообразно с его мировоззрением, а между тем в конце повести, то есть прочтя её, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром враждебных человечеству духов (*NB*. Спиритизм и учение его)». Мы знаем из разных воспоминаний, что Достоевский хорошо умел гадать по руке, спиритизмом он вроде бы особенно не увлекался в отличие от некоторых его современников, в числе которых были В.И. Даль, Ф.Н. Глинка, О.С. Пушкина — сестра поэта, профессора СПб ГУ — зоолог Н.П. Вагнер и химик А.М. Бутлеров и др.

Увлечение Достоевского оккультными науками, о котором мало что говорят, — тоже далеко не свидетельство его ортодоксального православия. Современники вспоминали, что Достоевский водил своих детей в церковь, показывал им и восхищался достоинствами архитектуры и живописи, но мне ни разу не довелось прочесть или услышать о семейных богослужениях в квартирах Достоевского. Что это? Забывчивость? Для Достоевского всегда главным был личный религиозный опыт, понятие которого далеко выходит за рамки официального церковного учения.

Достоевский писал: «Я православие определяю не мистическими верованиями, а человеколюбием, и этому радуюсь. (...)»³. Но ведь если так определяет православие якобы православнейший из писателей, то какое же это вообще православие! Это просто-напросто разновидность лютеранства или нововозрождённого арианства, представителями которого в то время были вышеупомянутые И. Штраус и Э. Ренан. Странное довольно-таки «православие» получается у Достоевского. Ощущения такого рода сопровождали его всю жизнь. В многократно цитировавшихся «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1883 год) утверждается такая мысль: без всяких корыстных расчётов «надо любить». Возникает самый простой вопрос, — можно ли любить по приказу? Что такое «надо»? А если не «любится»? Как же тогда? Или по русской

³ Ф. Достоевский. ПСС, т. 24, стр. 254.

поговорке «стерпится — слюбится»? А если ты не любишь Бога? Что же тогда значит «надо»?.. Любой читатель сочинений Достоевского обнаружит и другие многочисленные противоречия в его размышлениях. И в этом нет ничего странного.

Уже в «Записках из подполья» (1864 г.) подпольный человек рассуждает так: «Я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен (...), упрёт руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам всё это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы отправились к чёрту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!»⁴

А я от себя замечу: может быть, всё это относится не только к предполагаемому социализму и логарифмам будущей жизни, но и к православию и к христианству в целом. Не случайно Смердяков-Карамазов говорил, как уже упомянуто выше: «про неправду всё написано». Много раз в сочинениях Достоевского употребляется евангельский оборот о необходимости любить ближних как самого себя. Но если внимательно вчитаться в текст Евангелия, то Христос в Нагорной проповеди говорит: *«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»* Матф. 5:43–45).

А к тому же здесь есть ещё один психологический нюанс: возлюбить ближнего или даже врага «как самого себя», — а что, если ты сам мазохист и не только не любишь самого себя, а, напротив, склонен издеваться над самим собой, да подчас и кончить жизнь самоубийством. В сочинениях Достоевского тема самоубийства обсуждается многократно, но никакого определённого религиозного толкования сам Достоевский ей не даёт.

Очень характерно такое высказывание писателя, особенно после многочисленных его призывов, что надо поступать по совести: «Совесть без Бога есть ужас», потому что «она может заблудиться до самого безнравственного». Вновь и вновь мы задумываемся: если может быть совесть без Бога, то, значит, может быть и Бог без совести. А если существует Бог без совести, то какое же тогда значение могут иметь все нравственные учения, в том числе и православные? Говоря о совести без Бога, Достоевский имел в виду пре-

⁴ Там же, т. 5, с. 113.

ступления революционеров-террористов того времени. А что мы скажем о теперешних террористах, к тому же верующих в другого бога — в Аллаха? У них ведь тоже есть мораль, и она проста: убей неверного (Коран: сура 5, стих 32).

Для Достоевского очень важно было понятие так называемого *комплекса вины*. Он много раз подчёркивал, что «все во всём виноваты». Но так ли это? Например: «Страдание принять и искупить себя им» — так советует Соня Раскольникову. А почему-то сама Соня никакого страдания на себя не приняла, разве что, подобно жёнам декабристов, отправилась за Раскольниковым на каторгу. Значит ли это, что Достоевский как бы благославляет распутство (Соня Мармеладова) и осуждает убийство (Раскольников)? В его разных сочинениях есть разные суждения на этот счёт. Например: в письме от 1876 года он сурово осуждает самоубийство, но при этом говорит, что если «не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрёт, с ума сойдёт, убьёт себя или пустится в языческие фантазии».⁵

Мы снова и снова задаёмся интересным вопросом: что же такое Красота, которая по мысли Достоевского должна спасти мир? Если Красота — это не Христос, то значит, это Антихрист. Но как же тогда Красота должна спасти мир? Нужно, прежде всего, спросить себя: а что же такое «языческие фантазии»? Неужели в произведениях великих мастеров Древней Греции и Рима нет никакой красоты? Венера Милосская, Венера Медицейская, Аполлон Бельведерский, величественные статуи Зевса и Диониса, — разве это не красота, даже в самом обывательском смысле? Или же Достоевский предлагает читателю считать образцом красоты издевательскую картину Гольбейна младшего «Мёртвый Христос в гробу»? Тем не менее, свои рассуждения о красоте он заключает так: «Красота присуща всему здоровому, т. е. наиболее живущему, и есть необходимая потребность организма человеческого». Опять неразрешимый вопрос, как совместить красоту Пушкина и мнимую «красоту» «Мёртвого Христа в гробу» Гольбейна? Между тем, оба эти представления о «красоте» присущи одному и тому же автору, который, к тому же, постоянно убеждает, что «красота спасёт мир».

Сравним эти образцы красоты с картиной Гольбейна «Мёртвый Христос», о которой часто размышлял Ф.М. Достоевский.

Спрашивается, что считать «красотой», которая якобы спасёт мир? Эта фраза обошла уже весь мир, который якобы надо спасать, но смысл её мне непонятен.

⁵ ПСС. 29/2 с. 8е 5.

Венера
Милосская

Аполлон
Бельведерский

Венера
Медицейская

Ганс Гольбейн Младший. Мёртвый Христос в гробу. 1521–1522 гг.

В одном из писем Достоевский пишет (1867 год), что главной целью романа «Идиот» было «изобразить вполне прекрасного человека». Несколько позже он поясняет эту мысль так: «Главная мысль романа — изобразить положительного прекрасного человека. Труднее этого нет ничего в свете, а особенно теперь (...) Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы ещё далеко не выработался. На свете есть только одно положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо».

Самое странное, что в дальнейших размышлениях о смысле красоты Достоевский сравнивает с Христом три просто поразительные фигуры. Это Дон Кихот, а затем неожиданно — мистер Пиквик и герой романа «Отверженные» В. Гюго — Жан Вальжан. Уж если Дон Кихота с натяжкой можно сравнивать с пародией на Иисуса Христа, то какое отношение к Христу может иметь мистер Пиквик?

Между тем, Достоевский неоднократно сомневался даже в личности Христа и нравственных ценностях, им провозглашаемым: «в наше время поднялись вопросы: хорошо ли хорошее-то? Хорошо ли, например, терпение и смирение Христово? Как долж-

но устроиться равенство людей, — через любовь или всеобщую утопию, или через закон необходимости, самосохранения и опытов научных».

Как мы видели и увидим в дальнейшем, никакого внятного ответа на этот вопрос Достоевский не даёт. Более того, кажется удивительным противопоставление христианства и опыта науки. Здесь уместно вспомнить противопоставление Христа и истины в одном из ранних писем, о чём говорилось выше.

* * *

В Романе «Братья Карамазовы» в уста Ивана Карамазова, старшего из братьев, Достоевский вкладывает рассказ-притчу, которую тот в одном из эпизодов рассказывает брату Алёше. В тексте романа эта притча называется «Поэмой о Великом Инквизиторе». «Легендой» её назвал впервые В.В. Розанов. С той поры такое переименование стало в истории русской религиозно-философской мысли естественным. Мы можем спросить себя: называя эту притчу «поэмой», не хотел ли Достоевский обратиться к «поэме» Гоголя «Мёртвые души», чтобы противопоставить «мёртвым душам» живую душу Христа? Может быть, и так. Но Розанов, несомненно, имел в виду то, что эта притча имеет почти что евангельское звучание. Он считал её квинтэссенцией творчества Достоевского и, выражаясь современным языком, «текстом», наиболее адекватным для понимания сущности происходящих в обществе процессов. С этого времени «Легенду» примерно так и стали рассматривать самые выдающиеся русские мыслители: Н. Бердяев, Д. Мережковский, Ф. Степун, С. Франк, В. Эрих и другие.

Дело в том, что основной вопрос «Легенды» — это вопрос об ограниченности человеческого разума и об ограниченности любого разумного истолкования веры применительно к социальной действительности. Розанов так и пишет об этом: «Как бы ни была упорна работа мысли, она никогда не покрывает всей действительности, будет отвечать мнимому человеку, а не действительному. В человеке скрыт акт творчества, и он-то именно привнёс в него жизнь, наградил его страданиями и радостями, ни понять, ни переделать которых не дано разуму».

С учётом опыта последовавшей октябрьской революции 1917 года эту мысль стали трактовать как предостережение Достоевского о так называемых «социализме» и «социалистической идеологии». Действительно, этих мотивов отрицать здесь нельзя. Социалисты, к числу которых отчасти принадлежал и сам Достоевский в молодости (кружок петрашевцев), стремились, по крайней мере в XIX веке, создать определённую социальную утопию

(в учении Маркса названную «научным социализмом»), в которой общество было бы организовано на основах разумности и справедливости в результате классовой борьбы. Но Розанов, и мы вместе с ним, полагал, что вопрос стоит гораздо серьёзнее.

Кто, как не Христос, стремился обустроить мир «по правде»? А значит — кому, как не ему, и предъявить упреки в том, что всё оказалось не так? Следовательно (об этом, впрочем, говорилось уже не раз), социализм каким-то загадочным образом напрямую соединён с христианством. Ещё больше убеждает нас в этом очень важная мысль «Легенды», которую Розанов формулирует как идею «о неустраимости природы человеческой рационально».

Великий Инквизитор говорит Христу: «Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем Ты о нём думал!.. Столь уважая его, Ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него потребовал, и это кто же? Тот, Который возлюбил его более Самого Себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его». То есть Христос неверно оценил человека — творение Бога-Отца и Его Самого, и Святого Духа, — значит, Христос «ошибся»? А вместе с ним и вся Святая Троица?

Самый поверхностный взгляд на такую постановку вопроса показывает нам, что «ошибиться» по-настоящему мог только Великий Инквизитор — иначе Бог не всемогущ! Но если Великий Инквизитор ошибся, и Христос на самом деле всё-таки оценивает человека адекватно акту творения, то почему тот отпускает Христа, пленённого в узилище? И почему Христос молчаливо целует его, то есть прощает?

Вспомним сюжет, изложенный в канонических Евангелиях: «инквизиторы» времён жизни и смерти Христа вовсе не отпустили «Царя Иудейского», а жестоко казнили его. Да и он их как будто бы не целовал. Значит ли это, что Великий Инквизитор всё же лучше евангельских «евреев»? Как нам думается, по мысли Розанова, этот вопрос и находится в центре «Легенды». Видимо, человек создан «не слабее и ниже», чем якобы думал Христос по словам Инквизитора, а всё-таки ровень божественному порыву — акту творящего созидания. Это подтверждается ещё одной мыслью Достоевского из повести «Записки из подполья»: «...не существует ли и в самом деле нечто такое, что почти всякому человеку дороже самых лучших его выгод, или (чтоб уж логики не нарушать) есть одна такая самая выгодная выгода (...), которая главнее и выгоднее всех других выгод и для которой человек, если понадобится, готов против всех законов пойти, то есть против рассудка, чести, покоя, благоденствия, — одним словом, против всех этих прекрас-

ных и полезных вещей, лишь бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего». И Достоевский заключает: «Человеку надо одного только — самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела». Такая «самостоятельность» — это и есть синоним творческой воли человеческой личности. А между тем, ведь это по существу прямая аналогия учениям самых крайних революционеров — особенно анархистов. И, может, не случайно Достоевский лишь не намного моложе М.А. Бакунина?

Несогласие Розанова с официальным православием пошло дальше: почему «богатые монастыри», богатые священнослужители — могут существовать в рамках официального православия, тогда как Христос учил, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное. У него есть мысли откровенно вызывающего характера: *«Христос претворил поновому человека... возмутьившись сотворением Отца своего.*

Это-то и есть ноумен Евангелия. И зачем пришёл на землю Христос». (Там же). Под словом «ноумен» Розанов понимал также, как И. Кант, метафизическую сущность, или, как сказал бы Фрейд, некое «бессознательное начало». Иначе говоря, люди христовы были как бы «не от мира сего», а «мир сей» во зле лежит. Это очередная вариация на темы учения гностиков, и особенно Маркиона, о том, что Христос и так называемый Бог-Отец (Иегова) — противоположные сущности. Эта мысль будет подробнее освещена ниже. К этому времени, то есть к 1890-м годам, он уже успел побороться и с христианством, и с социализмом.

У Достоевского в «Братьях Карамазовых» старец Зосима говорит: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение иной связи нашей с миром иным, с миром горним и высоким, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад Свой, и взошло всё, что могло взойти, но возвращённое живёт и живо лишь чувством соприкосновения своего с таинственным миром иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращённое в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь её». Эта мысль и для Достоевского и для В. Р. того времени была необычайно важна. Ф. М. рассматривал её как источник для совершенствования земной жизни, как бы освещённой потусторонним светом, а Розанов в те годы с ним был солидарен, потому что он тогда резко отрицательно относился к современной ему действительности.

Однако центральной мыслью «Легенды о Великом Инквизиторе» мне представляется совершенно иная, чем рассуждение о том, благо или зло несут обществу социальные утопии и т. д. — это мысль о появлении Христа в эпоху средневековой Испании, под которой, вероятно, автор подразумевал современную ему Россию. Суть вопроса в том, что ни о каком появлении Христа в более или менее обозначенные промежутки времени для верующего христианина не могло быть и речи. Очень важна цитата: Евангелие от Матфея 24:36: *О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один;*

42. *Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь у вас придет..*

44. *Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий.*

Таким образом, становится совершенно ясно, что «Христос, явившийся Великому Инквизитору» (вспомним, что эта должность была официальной и существовала несколько сот лет), на самом деле Христом не был и не мог быть. А кем он был? Одним из воплощений демонических сил? Тем или иным проявлением Антихриста? Мне почему-то по аналогии сразу вспоминается финал поэмы «Двенадцать» А. Блока: «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос». Опять то же самое, как и у Достоевского, — появление образа псевдоХриста в вымышленной истории. Достоевскому, как и Блоку, тоже вряд ли было дано знать высшие тайны мироздания, какими они были обозначены в Новом Завете.

* * *

Достоевский обладал *священной болезнью* — эпилепсией. Эпилептический припадок в романе «Идиот» описывается так: «В это мгновение вдруг чрезвычайно искажается лицо, особенно взгляд. Конвульсии и судороги овладевают всем телом и всеми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что не похожий вопль вырывается из груди; в этом вопле как бы исчезает всё человеческое, и никак невозможно, по крайней мере очень трудно, наблюдателю вообразить и допустить, что это кричит этот же самый человек».

Вот что пишет об этом тонкий исследователь творчества Достоевского Д. Мережковский в книге «Л. Толстой и Достоевский»: «На жизнь его не только телесную, но и духовную, на всё его художественное творчество и даже отвлечённую философскую мысль «священная болезнь» оказала поразительное действие. В своих произведениях он говорит о ней с особым сдержанным волнением, как бы с мистическим ужасом. Самые значительные и противоположные из его героев — изверг Смердяков, «святой» князь Мыш-

кин, “пророк Человекобога” нигилист Кириллов — эпилептики. Припадки падучей были для Достоевского как бы страшными провалами, просветами, внезапно открывавшимися окнами, чрез которые он заглядывал в потусторонний свет».

Следует обратить внимание на одну, ранее запрещённую, но впоследствии разрешённую главу из «Бесов» о растлении Ставрогиним малолетней девочки. В упомянутом выше одном из писем к Л. Толстому Н. Страхов заявил, что это эпизод из жизни самого писателя. Современного читателя удивляет только одно: как было сказано выше, имя «злодея» Ставрогина происходит от греческого ставрос, т. е. крест. Разумного ответа на этот вопрос ни у кого из так называемых «достоевсковедов» не существует. Является ли сатанист Ставрогин истинным христианином? А может, он друг и брат такому же «сатанисту» Смердякову? Евангелие написано от высшей правды? Или «про неправду» всё написано? Никакого разумного ответа критика ни того времени, ни современности не даёт.

Размышляя о конечной сущности мировоззрения Достоевского, Д.С. Мережковский в той же книге приходит к такому заключению: «У Достоевского всюду — человеческая личность, доводимая до своих последних пределов, растущая, развивающаяся из тёмных, стихийных, животных корней до последних лучезарных вершин духовности, всюду — борьба героической воли: со стихией нравственного долга и совести — в Раскольникове; со стихией страсти, утончённого, сознательного — в Свидригайлове и Версилове; первобытного, бессознательного — в Рогожине; со стихией народа, государства, политики — в Петре Верховенском, Ставрогине, Шатове; наконец, со стихией метафизических и религиозных таинств — в Иване Карамазове, князе Мышкине, в Кириллове».

Прав ли Д. Мережковский? И да, и нет. В своих рассуждениях он подходит к мысли, что так называемый «Христос» у Достоевского это почти что наполовину языческий Дионис. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на Ф. Ницше: «Если я полюбил “рок” последнюю сыновнюю любовью, то рок перестает для меня быть роком и становится живым, родным Богом-отцом: “Я и отец — одно”. Любовь Сына к Отцу — это и есть самое высшее — Христос; “любовь к року”, неосознанная христианская любовь к языческому року; это — полу-Христос, полу-Дионис, — не самое высшее, а только средне-высшее».

Была ли религия Достоевского именно такой, полу-христианской или полу-дионисийской? Этот вопрос вновь и вновь под разными ракурсами исследовался и советскими «достоевсковедами». Состояние так называемого русского и советского литературоведения

ния относительно творчества Достоевского хорошо и ясно охарактеризовал Б.М. Энгельгардт: «Разбираясь в русской критической литературе о произведениях Достоевского, легко заметить, что, за немногими исключениями, она не поднимается над духовным уровнем его любимых героев. Не она господствует над предстоящим материалом, но материал целиком владеет ею» (Москва-Ленинград, 1924 год). Однако иначе думали большевики, в то же самое время известная работница идеологического фронта Н.К. Крупская сама занималась чисткой библиотек, запрещая «дезорганизирующие» труды Достоевского, Карамзина, Владимира Соловьёва, Лескова, Лосского, Платона, Канта, Декарта, басни Крылова и т. д.

Имя Достоевского для советского читателя было открыто только в начале 1960-х годов, когда были напечатаны многие его сочинения, естественно, за исключением «Дневника писателя» и «Бесов». В это же время появились и замечательные исследования творчества Достоевского, принадлежащие перу М. Бахтина. Он, может быть, впервые для советского читателя (не касаясь, разумеется, религиозно-философских тем) смог показать многообразие внутреннего психологического мира писателя: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов, действительно является основной особенностью романов Достоевского». И далее: «Достоевский — творец полифонического романа». Эти идеи М. Бахтин связывает со своей излюбленной концепцией карнавальности. Он убеждён, что древнегреческая литература имеет связь со специфическим «карнавальным мироощущением», — и в какой-то мере это мироощущение будто бы было свойственно и Достоевскому. Так это или не так, предоставляем судить читателю, но тот факт, что «карнавальное» мироощущение в чём-то близко дионисийскому, сомнений не вызывает.

К концу XIX века стало очевидно, что традиционная церковность потеряла своё влияние и значение. Поэтому в понятие *fine de siècle* (конец века) вошли одновременно и надежды на будущее, и, может быть, горькие воспоминания о прошлом. Достоевский находился в центре решения этих сложнейших вопросов. Почти его ровесник — граф Л. Толстой — попробовал создать новую религию, через некоторое время символисты попробовали воспользоваться опытом оккультных наук и тайных верований. Нельзя забывать, что и самому Достоевскому были не чужды увлечения спиритизмом... Чем всё это обернётся через 30–40 лет, показало будущее.